

ми чиновниками, отставными военными, благородно просящими милостыню, пьяницами, посещает их грязные семейства, дни и ночи проводит в темных трущобах и Бог знает в каких закоулках, опустился, оборвался и что, стало быть, это ему нравится».

Однако Николай Всеволодович, как выяснится по возвращении в родной город, отнюдь не деградировал до облика «какого-нибудь грязного оборванца, испитого от разврата и отдающего водкой!» Что же в таком случае связывало его с таким окружением и чем, с позволения спросить, он компенсировал столь значительную разницу со своими знакомцами? Ведь обитатели трущоб обычно видят в состоятельных чужаках лишь жертвы для поживы. Кажется, только больной шизофренией человек способен на выполнение столь тяжелой, сколь и нелепой миссии! Интересно, что спустя годы после написания «Бесов» некоторые характерные детали судьбы Николая Ставрогина повторятся, правда, совершенно карикатурно в судьбе реального человека — поэта Александра Добролюбова, в приступе безумия ушедшего «странствовать в крестьянском платье» (сын генерала!) чуть ли не прямо из университетской аудитории и позже основавшего секту «добролюбовцев», где проповедовал демагогические идеи «соединения со всем сущим» на Земле.

Когда же герой Достоевского предстает, наконец, перед хроникером, от лица которого ведется повествование, его лицо уже обладает каким-то поражающим свойством. Пытаясь объяснить свое впечатление, рассказчик обращается мыслью к странной, неприятной контрастности лица Николая Всеволодовича и особенно к подозрительной ясности и спокойствию его светлых глаз. Между тем что-то мучительно ускользает от понимания повествующего. Не идет ли здесь речь о специфической черте шизофреников — отсутствии зрачковой реакции на психические переживания? (К слову сказать, в медицину этот признак душевной патологии был введен лишь в 1903 году О. Бумке.) Но, конечно

же, куда больше должна поразить здорового человека специфическая маска, словно приросшая к лицу. Дело в том, что лица большинства людей, даже если они и не отличаются эмоциональностью, необыкновенно подвижны. Застывшая мимика (кататонический признак) шизофреника настолько отлична от нормы, что ее, даже не поняв, что это, непременно почувствует каждый здоровый человек, и такое лицо произведет на него отталкивающее впечатление. Неудивительно, что хроникер передает свои ощущения от внешности Николая Всеволодовича как отвратительные.

Застывшая мимика лица — одно из проявлений типичного для шизофреники кататонического оцепенения мышц. Вот как описывает это Достоевский:

«Минуты две он простоял у стола в том же положении, по-видимому, очень задумавшись; но вскоре вялая, холодная улыбка выдавилась на его губах. Он медленно уселся на диван, на свое прежнее место в углу, и закрыл глаза, как бы от усталости».

Генеральша Ставрогина, наблюдая за сыном, поражается, «что он может так спать, так прямо сидя и так неподвижно» и даже дыхания почти нельзя заметить. Лицо Николая Всеволодовича при этом отличается особой бледностью и «совсем как бы застывшее, недвижимое», причем сам он походит «на бездушную восковую фигуру». В описанном состоянии герой Достоевского может находиться очень долго, и ни один мускул лица его не двинется, не произойдет ни малейшего движения во всем теле. Искушенный в физиологии читатель поймет, ни о каком сне здесь не может быть и речи. Ведь в одной из фаз этого сложного физиологического процесса мышцы человека настолько расслабляются, что он уже не может поддерживать принятой ранее позы и неминуемо должен будет если не упасть, то хотя бы качнуться, после чего обязательно проснется. А Николай Всеволодович «не просыпается».